



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–149
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–149
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

Научная статья
УДК 1:101

Э. В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР



Д. В. Михель

Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Аннотация. В статье рассматриваются жизнь и философское творчество советского философа-марксиста Э. В. Ильенкова, подчеркивается важность вдумчивого возвращения к его философским идеям. На материале отдельных текстов Ильенкова и с опорой на современные исследования его творчества рассматриваются три сюжета: борьба философа за сохранение идей Маркса в рамках советской философии, его представления о судьбах социализма в СССР, его отношении к Западу и влиянию западных философских идей на советское общество. Ильенков показан как носитель иного типа мышления, представляющего собой вызов для современной философской культуры. Свою борьбу за марксизм он связывал с необходимостью реформирования партийно-идеологической системы на основе возвращения к аутентичным идеям Маркса и Ленина. Будущее социализма в СССР философ видел в переходе от «грубого коммунизма» к состоянию полного освобождения человека от власти частной собственности. Запад он воспринимал как бездуховную власть частной собственности, а современные западные течения мысли – как формы ее апологии. Формулируется вывод, согласно которому философское свободомыслие Ильенкова осталось марксистским донкихотством в рамках советской действительности.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, советская философия, философское свободомыслие, марксизм, социализм, Запад

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10053).

Для цитирования: Михель Д. В. Э. В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–149. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E. V. Ilyenkov and the struggle for genuine Marxism: Philosophical freethinking in the later USSR

D. V. Mikhel

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia

Dmitry V. Mikhel, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Abstract. Introduction. The article deals with the life and philosophical work of the Soviet Marxist philosopher E.V. Ilyenkov. It emphasizes the importance of a thoughtful return to his philosophical ideas. **Theoretical analysis.** Based on selected texts by Ilyenkov and with reference to contemporary studies of his work, three subjects are examined: the philosopher's struggle to preserve Marx's ideas within Soviet philosophy, his ideas about the fate of socialism in the USSR, and his attitude toward the West and the influence of Western philosophical ideas on Soviet society. Ilyenkov is shown as a bearer of a different type of thinking, which is a challenge for contemporary philosophical culture. He associated his struggle for Marxism with the need to reform the party-ideological system through the return to authentic ideas of Marx and Lenin. He saw the future of socialism in the USSR in the transition from "rough communism" to a state of complete liberation of a man from the power of private property. He perceived the West as the soulless power of private property, and modern trends of Western thought as forms of its apology. **Conclusions.** It is concluded that Ilyenkov's philosophical freethinking remained Marxist quixotry within the framework of Soviet reality.

Keywords: E.V. Ilyenkov, Soviet philosophy, philosophical freethinking, Marxism, socialism, West

Acknowledgements: The paper was prepared as part of the Russian Science Foundation (grant No. 20-78-10053).

For citation: Mikhel D. V. E. V. Ilyenkov and the struggle for genuine Marxism: Philosophical freethinking in the later USSR. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–149 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Когда возникает вопрос о том, какой была духовная и интеллектуальная жизнь в поздний период существования Советского Союза, то перед нами с неизбежностью возникает фигура одного из наиболее ярких советских философов того времени – Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979). Начало его философского пути пришлось на время хрущевской «оттепели», когда среди советских философов возродились надежды на то, что каждому члену общества будет дана возможность полного творческого самовыражения, в том числе полной свободы мысли. С наступлением эпохи «застоя» эти надежды были утрачены, а возможности для философского свободомыслия исчезли. Ильенков не мог не размышлять над этими изменениями и остро переживал происходящее. Этот последний крупный марксистский философ советской эпохи своей жизнью и творчеством поставил так много вопросов, что на них до сих пор нет однозначных ответов – и это несмотря на то, что его непосредственные ученики и ближайшие последователи проводят большую работу, призванную сблечь его наследие и актуализировать наиболее значимые аспекты его мысли.

При рассмотрении философского творчества Ильенкова раз за разом хочется спрашивать о том, кем он был в лагере советских философов – непримиримым критиком официального советского марксизма или его последним защитником; как виделось ему развитие социализма в нашей стране в 1960-е и 1970-е гг. – чередой все более частых неудач или победоносным шествием, в ходе которого возникают лишь временные трудности; каким было его отношение к Западу, имея в виду тот факт, что марксизм как явление имеет западное происхождение? В статье предлагается вернуться к обсуждению этих вопросов, поскольку это позволит не только составить более полное представление о жизни и творчестве Ильенкова, но и уточнить наше понимание феномена философского свободомыслия в позднем СССР.

Теоретический анализ

Во второй половине 1960-х гг. Ильенков написал в ЦК КПСС письмо (точная дата его написания неизвестна; до сих пор также неясно, дошло ли оно до своего адресата), в котором охарактеризовал положение дел в современной ему отечественной философии. В этом письме он аргументированно обосновал, что марксистская философия в СССР все более вытесняется на периферию философской культуры. Вместо

марксистско-ленинской диалектики в Институте философии АН СССР и на философском факультете МГУ поощряется позитивизм – философия идеологически враждебная марксизму; новое поколение философов отказывается заниматься диалектикой, а вместо философии как науки продвигаются не имеющие никакой ценности «методологические проблемы» различных областей современного научного знания. Ильенков отмечал, что та же ситуация складывается и на страницах такого авторитетного издания, как многотомная «Философская энциклопедия», редактором которой он в то время работал. В ее 3-м и 4-м томах статей по проблемам диалектического и исторического материализма оказалось значительно меньше, чем статей по математической логике; иначе говоря, и здесь позитивизм вытеснял марксизм волей составителей энциклопедии и привлекаемых ими авторов.

Ильенков видел такое положение вещей недопустимым и подчеркивал, что оно ведет к деградации марксистско-ленинского философского учения. В качестве средства против этого ползучего выдавливания марксизма из советской философской культуры он предлагал вернуться к ленинскому пониманию философии и ее предмета. «Надо кончать с разбродом в понимании самого существа философии как науки... надо полностью восстановить ленинские нормы в области философии. Восстановить ленинский уровень ее культуры и грамотности» [1, с. 384]. Ильенков отмечал, что плохое знание марксистско-ленинской философии ведет к ее «позитивистскому извращению». По этой причине партийному руководству страны следует взять под контроль процесс подготовки философских кадров, сосредоточив усилия на воспитании интеллектуалов, способных передать новым поколениям идеи Маркса и Ленина без их искажения. «Через 10–15 лет у нас в стране вообще не останется людей, занимающихся философией в ее марксистско-ленинском понимании» [1, с. 386].

Это письмо точно диагностировало те проблемы, которые сложились в сообществе советских философов уже в 1960-е гг. Советская философская общественность в те годы начала свой скрытый отказ от марксизма-ленинизма, не связывая с ним уже ни свою собственную судьбу, ни судьбу своей страны. А. А. Гусейнов, анализируя философскую позицию Н. В. Мотрошиловой и других философов-шестидесятников, по этому поводу тонко заметил: «Философы-шестидесятники ориентировались



на философский Запад, хотели быть на его уровне, войти в его тематическое и проблемное поле... Они стали рассматривать философию не в перспективе коммунистического идеала, а в перспективе либеральных ценностей. Речь шла не о прокламациях, а о смене философских приоритетов, имен, тем (Платон вместо Демокрита, Декарт вместо Гельвеция, Кант вместо Гегеля, аксиология вместо классового подхода, бытие вместо материи)» [цит. по: 2, с. 9].

Тем не менее и критикуемые Ильенковым советские западники, официально остававшиеся на марксистских позициях, и сам Ильенков со все более малочисленными единомышленниками в значительной степени находились по одну сторону баррикад в отношении господствующей в СССР политико-идеологической системы. Все они желали ее глубокого реформирования, но Ильенков – на основе ленинских норм, а советские философы-западники – по лекалам западного либерализма. Общее недовольство господствующей системой нарастало со времен XX съезда КПСС, когда развенчание культа личности Н. С. Хрущевым посеяло среди советских интеллектуалов надежды на грядущие перемены. Еще более оно усилилось после отстранения от власти самого Хрущева, когда многие осознали, что «оттепель» кончилась, и страна скатывается в «застой».

Почему Ильенков в своей критике официального марксизма выступил за возвращение именно к «ленинским нормам» и отверг поворот на Запад, на чем исподволь настаивали шестидесятники? При ответе на этот вопрос можно согласиться с Ю. В. Пущаевым, который считает, что после XX съезда структура марксизма как мировоззрения в Советском Союзе коренным образом изменилась: как В. И. Ленин, так и И. С. Сталин совмещали в себе две функции – вождя партии и главного философа-теоретика; оба не только руководили страной, но и публиковали теоретические труды и активно высказывались по философским вопросам; Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев совершенно отказались от роли интеллектуалов, передоверив ее своим помощникам по идеологической линии; марксизм как правящая философия фактически был отброшен самими вождями. «Философов на самой вершине власти уже не было и быть не могло» [3, с. 32].

Понятно теперь, почему письма Ильенкова в ЦК и другие руководящие органы оставались без ответа. На вершине советской политико-идеологической системы не было никого, кто мог бы его услышать. Среди советских фило-

софов Ильенков был одним из немногих, если не последним, кто твердо придерживался марксистских позиций. Но его борьба за подлинный марксизм была обречена на провал, поскольку ни среди своих коллег, ни в высших эшелонах власти к этому времени уже не было никого, кто хотел бы спасти марксистско-ленинское учение и тем более использовать его для решения жизненно важных проблем, стоящих перед страной.

Оставаясь до конца философом-марксистом, Ильенков всегда был политическим мыслителем, размышлявшим о судьбах страны. Проблема, которая больше всего его беспокоила в последние два десятилетия жизни, касалась того, что современное советское общество недостаточно социалистическое и продолжает нести на себе «родовые пятна капитализма». В апреле 1966 г. Ильенков подготовил доклад «Маркс и западный мир», который должен был прозвучать на философском конгрессе в США. Самого Ильенкова в США не пустили, но доклад был там опубликован на английском языке и вызвал резонанс в советских партийных и интеллектуальных кругах.

Особое внимание при изучении доклада Ильенкова, конечно, вызвала та часть, где он рассуждал о марксовом понимании коммунизма. Согласно Ильенкову Маркс не сразу стал коммунистом, а подошел к коммунизму как теоретик, изучавший вопрос о том, почему идеи коммунизма овладели большим числом людей в наиболее развитых западных странах – Англии и Франции. Проанализировав труды молодого Маркса, Ильенков пришел к выводу о том, что на Западе коммунизм родился не в головах людей, а вырос из реальных условий социально-экономического развития, а именно из процесса подчинения человека институту частной собственности и вытекающей из этого его потребности освободиться от «отчуждающего» подчинения. Вывод Маркса, цитирует классика Ильенков, таков: «Коммунизм... как таковой... не есть цель человеческого развития... коммунизм является... для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего» [4, с. 162].

Торжество частной собственности по Ильенкову способствует распространению «профессионального кретинизма» [5, с. 368, 371], т.е. подчинению всей жизни человека какой-то одной производственной функции, его закабалению. Коммунизм рождается из естественного стремления человека к свобо-



де, из нежелания быть только «винтиком» в капиталистической социально-экономической машине. Когда энергия массового несогласия с этим обстоятельством приобретает зримые формы, начинается процесс освобождения человека от давящей силы частной собственности. Этот процесс, однако, носит диалектический характер. Анализируя Маркса, Ильенков вынужден констатировать, что на первом этапе перехода от частной собственности к общественной происходит лишь «формально-юридическое обобществление собственности», которая становится собственностью общенародной, но сосредоточивается в руках правящей партийно-бюрократической элиты. Это стадия «грубого и непродуманного коммунизма». «Но этот “грубый коммунизм”, верно осознающий свою ближайшую цель – отрицание частной собственности, сочетается с иллюзией, будто бы чистая негативная акция и есть “позитивное разрешение” всех проблем современной цивилизации» [4, с. 162].

«Грубый коммунизм» – это только начало процесса освобождения человека от власти частной собственности, от частичности и не-свободы. Но этот тип коммунизма и был тем социализмом, который утвердился в СССР. Никакого дальнейшего движения по освобождению человека не происходило; он продолжал оставаться «винтиком» в рамках партийно-бюрократической системы, демонтаж которой был обещан и Марксом, и Лениным в «Государстве и революции». Ильенков же предлагал вернуться к идеям классиков и напоминал о том, что коммунизм – это, прежде всего, процесс и движение к тому состоянию, когда собственность по-настоящему станет общенародной, перейдя в подлинное распоряжение каждого индивида, а человек из «винтика» превратится в «тотально развитую личность». Без таких личностей подлинный коммунизм вообще невозможен. Причем, утверждает Ильенков, «реализацию коммунистического идеала ни в коем случае нельзя откладывать “на завтра”. Его нужно реализовать сегодня, сейчас» [5, с. 376].

В своей защите социализма Ильенков всегда подчеркивал значимость двух наук – политической экономии и педагогики, в которых видел главное средство формирования всесторонне развитых личностей, из которых и складывается коммунистическое общество. Всегда много уделяя внимания вопросам образования, воспитания, школьного дела, Ильенков в этой связи также указывал и еще на один немаловажный момент. Идеи классиков марксистско-ленинской

философии, особенно идеи Маркса, должны были перейти из книг, где им было суждено забвение и умирание, в головы большого числа людей. Переход от «грубого коммунизма» к его следующему этапу, сопровождающемуся избавлением от государства и внешнего принуждения, непременно предполагал «присвоение этих идей каждым участником коммунистического движения» [4, с. 165]. Однако этого в Советском Союзе упорно не происходило, в том числе и по причине саботажа данного процесса со стороны партийно-бюрократического аппарата и философов, отказывавшихся от марксизма в пользу других типов мысли.

До нас дошла небольшая записочка, переданная осенью 1970 г. Ильенковым своему студенту на философском факультете МГУ Н. Б. Шулевскому. В ней перечислены авторы философских трудов, которых он рекомендовал молодому человеку освоить, чтобы получить в свое распоряжение «азбуку разума». В списке всего 17 имен – от Платона до Маркса и Ленина, а также русского религиозного философа, монархиста И. А. Ильина. Имя последнего в высшей степени неожиданно, хотя Ильенков назвал лишь одну работу русского мыслителя – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека» [6, с. 237]. Упоминание Ильенковым имени Ильина свидетельствует о том, что он был неплохо осведомлен о творчестве представителей того философского лагеря, к которому всегда относился враждебно. Однако нам представляется, что дело не только в этой осведомленности, а в том, что Ильенков каким-то особенным образом связывал в своем собственном восприятии Гегеля, Маркса и русскую философию.

А. Д. Майданский, анализируя мировоззрение Ильенкова, отзывается о нем следующим образом: «По делам своим и по устремлениям души Э. В. Ильенков принадлежал к породе “русских европейцев” – людей европейски мыслящих, но при этом не являющихся “западниками” в тесном смысле слова» [7, с. 93]. В самом деле, всю свою жизнь ведя интеллектуальную борьбу за спасение наследия Маркса, Ильенков боролся со скрытым западничеством на советской почве в лице набирающих популярность среди его коллег неопозитивизма и аналитической философии, не говоря уже о его негативном отношении к другим направлениям современной западной мысли. Ни одного имени западного философа XX в. в списке, продиктованном студенту-философу, у Ильенкова не было. Но была между тем важная ремарка:



«Только тогда, когда мы научимся смотреть на мир, на себя и на мышление глазами основных философских систем... можно читать, изучать любые учения и книги, не беспокоясь о своем духовном здоровье» [6, с. 237]. Иначе говоря, знакомство с идеями философии XX в., прежде всего западной, по мысли Ильенкова, могло представлять угрозу для духовного здоровья молодого советского интеллектуала. Похоже, для самого Ильенкова эта оговорка была вовсе не случайной.

В. М. Межуев, сохранивший симпатии к марксизму и после распада СССР, откровенно заявлял о том, что Ильенкова следует воспринимать не просто как марксиста, а как типично русского философа [6, с. 52]. По его мнению, Ильенков разделял общее для всей русской философии убеждение о сущностном противоречии между «цивилизацией» и «культурой», где цивилизация всегда есть порождение распада и бездуховности, а культура – творение народного духа. Позитивизм, неопозитивизм и вообще западную немарксистскую философию Ильенков понимал как идейную апологию бездуховности «цивилизации» и капитализма, тогда как в марксизме и его диалектике он находил воплощение народных чаяний о свободном развитии каждого человека. Кроме того, по мысли Межуева, Ильенков, как до него А. А. Блок, остро осознавал нарастающее укрепление «буржуазного духа» в советском обществе, причем уже почти сразу после осуществления «пролетарской революции» [6, с. 51]. «Дух капитализма» в окружающей его советской действительности и отступление от подлинного марксизма в сторону новомодных западных философских течений стали для Ильенкова тем вызовом, на который он стремился ответить как личность и как философ-марксист. Тем не менее, утверждает Межуев, Ильенков как «последний марксист-романтик, рыцарски отстаивающий высокие и гуманные идеалы культуры в мире, где все больше набирают силу идола цивилизации», не справился с этим вызовом. «Эпоха возвышенного гегельянски-марксистского донкихотства кончилась» [6, с. 53]. Причем она закончилась еще при жизни Ильенкова, и поэтому вовсе не удивительно, что в августе 1991 г. на защиту распадающегося на части социалистического государства в огромной стране почти никто не вышел.

Весьма сильное утверждение Межуева о философской позиции Ильенкова выглядит вполне обоснованным, если обратиться к текстам самого Эвальда Васильевича. В своем до-

кладе, подготовленном для конгресса в США, он примечательным образом провел границу между Западом и Востоком: «Мир делится на “западный” и “восточный” по иному критерию: этот критерий – форма собственности... трещина проходит через самое сердце современной культуры, вовсе не совпадая с географическими рубежами и политическими границами современного мира. Она пролегает не только между партиями внутри одной и той же страны, но часто даже и через ум и сердце одного и того же человека» [4, с. 157]. Все, что разделяет «цивилизацию» и «культуру», «дух капитализма» и его отрицание, «западное» и «восточное», следовательно, есть повсюду – как на Западе, так и на Востоке. Поддержав «западное» на Востоке, партийно-идеологический аппарат и советские интеллектуальные круги по Ильенкову предали саму возможность «восстановления полного индивидуального развития» и достижения людьми «реального, земного идеала» [4, с. 167–168].

Выводы

Поводя итог сказанному, нельзя не видеть, что Ильенков не нашел поддержки своим идеям ни в кругах партийно-государственного руководства, ни среди подавляющего большинства коллег. Его философское свободомыслие – и в прочтении текстов Маркса, и в понимании развития социализма, и в отношении к Западу – так и осталось марксистским донкихотством в рамках советской действительности, неумолимо отвергающей заветы классиков марксизма-ленинизма. Как метко заметил Межуев, Ильенков оказался человеком «не от мира сего», тем, кто разошелся со своим временем [6, с. 54]. В самом деле, своей жизнью и своим творчеством он знаменовал конец марксизма в России.

Список литературы

1. Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В. И. Толстых. М. : РОССПЭН, 2009. 431 с.
2. Мотрошилова Н. В. Работы разных лет : избранные статьи и эссе. М. : Феноменология-Герменевтика, 2005. 576 с.
3. Пуцаев Ю. В. Философия советского времени : М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М. : ИНИОН РАН, 2018. 356 с.
4. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
5. Ильенков Э. В. Идеал : Собр. соч. Т. 3. М. : Канон+РОИИ «Реабилитация», 2020. 512 с.
6. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков : (Книга – диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : Институт философии РАН, 1997. 240 с.



7. Майданский А. Д. «Русский европеец» Э. В. Ильенков и западный марксизм // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 93–100.

References

1. Tolstykh V. I., ed. *Ewald Vasil'evich Ilyenkov*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 431 p. (in Russian).
2. Motroshilova N. V. *Raboty raznykh let: izbrannye statyi i esse* [Works of Different Years: Selected Articles and Essays]. Moscow, Filosofiya-Germenevtika Publ., 2005. 576 p. (in Russian).
3. Pushchaev Yu. V. *Filosofiya sovetskogo vremeni: M. Mamrdashvili i E. Ilyenkov (energii ottalkivaniya i priyazheniya)* [Philosophy of the Soviet Age: M. Mamardash-

- vili and E. Ilyenkov (Repulsion and Attraction Energies)]. Moscow, INION RAN Publ., 2018. 356 p. (in Russian).
4. Ilyenkov E. V. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. Moscow, Politizdat, 1991. 464 p. (in Russian).
5. Ilyenkov E. V. *Ideal: Sobranie sochineniy* [An Ideal: Collected Works]. Vol. 3. Moscow, Kanon+ ROII "Reabilitatsiya" Publ., 2020. 512 p. (in Russian).
6. Tolstykh V. I., compl. and ed. *Drama sovetskoi filosofii. Evald Vasilevich Ilyenkov: (Kniga – dialog)* [The Drama of Soviet Philosophy. Evald Vasilevich Ilyenkov: (Book – Dialogue)]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 1997. 240 p. (in Russian).
7. Maidanskiy A. D. E. V. Ilyenkov's "Russian European" and Western Marxism. *Voprosy filosofii* [Voprosy filosofii], 2015, no. 3, pp. 93–100 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 25.03.2022